

Она долго, мучительно долго размышляла, пытаясь найти ответ, но так и не смогла.

Когда ей показалось, что брат уже должен был проснуться, она встала и вышла из комнаты.

Пройдя по коридору, она направилась в главный дом. Ёя смотрел свиток, сидя на веранде; увидев её, он одарил сестру мягкой улыбкой.

— Тиэю, твой день прошёл благополучно?

Тиэю присела рядом с ним, но ничего не ответила.

Ёя взглянул на неё, и его улыбка медленно угасла.

— Что случилось? Ты ранена?

Тиэю молчала довольно долго, прежде чем наконец заговорить:

— Когда я возвращалась обратно, я проходила мимо одной улочки. — Её голос был тихим, словно она боялась потревожить что-то хрупкое. — Женщина превратилась в демона и собиралась убить двоих детей. Я убила её.

Ёя кивнул, ожидая продолжения.

Тиэю опустила голову и посмотрела на свои руки.

— Когда её голова упала на землю, она снова приняла человеческий облик, — прошептала она.
— Её сын... тот, что постарше, назвал меня убийцей.

Ёя промолчал.

Тиэю подняла на него взгляд. Её глаза были спокойны — точно так же, как и всегда.

— Брат, — спросила она, — я правда убийца?

Ёя приоткрыл рот, желая что-то сказать.

Конечно, нет. Разумеется, нет. Она убила демона, существо, навсегда утратившее свою человечность. Она спасла его сына, спасла того ребёнка, что остался в живых. Она поступила правильно.

Но когда слова уже были готовы сорваться с языка, он посмотрел ей в глаза и внезапно понял, что не может вымолвить ни звука.

Потому что её вопрос был не о том, что верно.

Она спрашивала о том, верит ли в это она сама.

В тот самый миг, когда он промолчал, глаза Тизю внезапно покраснели.

Ёя опешил.

Она всегда была спокойной, сильной, казалось, ничто в мире не может её сломить.

Но сейчас её глаза были красными от слёз.

А следом покатились и сами слёзы.

— Брат... — голос Тизю задрожал. — Он сказал, что я убийца... Он так сильно ненавидел меня... А ведь я спасла его...

Ёя протянул руки и бережно обнял её.

Прижавшись к нему, Тизю наконец разрыдалась. Это не были тихие всхлипы — она завывала в голос, будто выпуская наружу всё то, что копилось у неё на душе все эти годы.

— Я не хотела убивать его мать... Я знала, что это демон... но когда она умирала, она снова стала человеком...

— Я убила демона, а не человека... ведь так?

— Он такой маленький... его братья и сёстры погибли... остались только он и его младший брат... я спасла его, а он проклинал меня...

— Брат... неужели я и правда убийца?

Ёя прижимал её к себе, мягко поглаживая по спине, и не мог произнести ни слова.

Он не знал, что ей сказать.

Он мог лишь обнимать её, позволяя выплакаться.

Тиэю плакала очень долго.

Её глаза распухли, голос охрип, но она никак не могла остановиться. Она словно хотела выплеснуть со слезами все свои обиды, всё давление и все невысказанные страдания, накопленные за долгие годы.

Весть о случившемся разнеслась быстро.

Пришёл Гёмэй. Он остановился у дверей, прислушиваясь к плачу внутри, прошептал буддийскую молитву, и слёзы покатились из его незрячих глаз.

В комнату стремительно вошёл Синдзюро. Увидев Тиэю, заливающуюся слезами, он застыл на месте. Он хотел сказать что-то утешительное, но даже человек с самым зычным голосом в этот момент не смог вымолвить ни слова. В конце концов он просто сел рядом с другой стороны, крепко похлопал её по плечу и своим привычным громогласным голосом произнёс:

— Плачь. Выплачься, станет легче.

Тиэю не обратила на них внимания и продолжала плакать.

Пришёл и Обанай.

Он узнал обо всём последним. Весь день он чувствовал, что что-то не так, но она не говорила, и он не решался спросить. Теперь он понял почему.

Он вошёл в комнату и увидел, что Тиэю окружена тремя мужчинами, а её плач разрывает сердце.

Он никогда раньше не видел её такой.

В его глазах Тиэю была всемогущей. Она никогда не плакала, никогда не испытывала страха, ей не было страшно ничего.

Но сейчас она плакала.

Обанай подошёл и присел перед ней на корточки.

— Тиэю.

Она подняла на него затуманенный слезами взгляд.

Обанай протянул руку и осторожно взял её за ладонь.

— Я здесь, — тихо сказал он. — Я рядом.

Тиэю посмотрела на него, и слёзы хлынули с новой силой.

Она вспомнила, как тот мальчик проклинал её, вспомнила своё смятение в переулке, вспомнила, как спрашивала брата: «Я убийца?».

Она зарыдала ещё сильнее.

Обанай не произнёс больше ни слова. Он просто сидел перед ней, сжимая её руку, не шелохнувшись.

Синдзуро наблюдал за ними и вдруг почувствовал лёгкую зависть к этому пареньку. Тот хотя бы знал, что сказать и что сделать. А сам он мог лишь хлопать по плечу и предлагать поплакать.

Гёмэй пробормотал молитву и тихо произнёс:

— Пусть плачет. После слёз ей станет легче.

Ёя кивнул и осторожно отстранился, позволяя Тиэю прислониться к Гёмэю. Его огромное тело было словно скала, надёжно поддерживающая её.

Тиэю приникла к нему и продолжала плакать.

Никто больше не нарушал тишину.

Синдзуро посидел некоторое время, затем поднялся и вышел. Вскоре он вернулся с чашкой горячего супа и поставил её рядом с Тиэю.

— Выпьешь, когда устанешь плакать, — бросил он.

Тиэю не отреагировала и продолжала рыдать.

Синдзуро не обиделся; он просто сел рядом и тихо остался с ней.

Она плакала от рассвета до глубокой ночи, от глубокой ночи до самого утра.

Всхлипы Тиэю постепенно становились тише, переходя в редкие стоны. Она всё ещё опиралась на Гёмэя, глаза её опухли так, что превратились в узкие щёлочки, а горло окончательно пересохло, лишив её возможности говорить.

Но она всё равно плакала.

Слёзы текли бесшумно, казалось, этому не будет конца.

Обанай всё это время не отпускал её руку.

Синдзюро посмотрел на светлеющее небо за окном и тихо произнёс:

— Сколько же боли она в себе таила?

Ёя помолчал, а затем ответил:

— После смерти отца она не проронила ни слезинки.

Синдзюро замер, а потом тяжело вздохнул.

Гёмэй снова прошептал молитву.

В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь редкими всхлипами Тиэю.

Она проплакала всю ночь напролёт.

В эту ночь она ничего не ела и не пила — только плакала. Она выплакала все слёзы, выплеснула всю свою боль.

Наконец, обессилев, она уснула прямо на плече у Гёмэя.

Обанай смотрел на её спящее лицо и крепче сжал её руку.

— Тиэю, — прошептал он едва слышно, — ты не убийца. Ты спасительница. Ты спасла так много людей, ты не сделала ничего плохого.

Он не знал, слышит ли она его, но очень хотел, чтобы она услышала.

Рассвело.

Синдзюро поднялся и похлопал Обаная по плечу.

— Береги её, — сказал он. — Всё наладится.

Обанай кивнул.

Гёмэй бережно уложил Тиэю на татами. Ёя принёс тонкое одеяло и укрыл её.

Все трое постояли немного, глядя на неё, и тихо вышли.

Только Обанай остался сидеть рядом с ней, не выпуская её руки.

Солнечный свет пробивался сквозь окно, освещая их обоих.

Он смотрел на её заплаканные глаза, на дрожащие во сне ресницы, и вдруг склонился, прижимая её руку к своему лицу.

— Тиэю, — негромко позвал он, — я здесь. И буду здесь всегда.

Она ничего не ответила.

Но нахмуренные брови, казалось, немного расслабились.

Обанай провёл рядом с ней весь день.

Солнце поднималось и опускалось.

Когда Тиэю очнулась, уже наступили сумерки.

Она открыла глаза и увидела Обаная: он спал, склонившись к изголовью и всё ещё сжимая её руку. Кабурамару свернулся у него на плече и тоже спал.

Она немного полежала, вспоминая вчерашние события.

Она плакала. Плакала целый день.

Впервые она не сдержалась и позволила себе выплакать всю боль.

Тизю осторожно высвободила руку и села. Глаза всё ещё были опухшими, голос — хриплым, но на душе стало значительно легче.

Она посмотрела на спящего Обаная и, протянув руку, мягко погладила его по голове.

Обанай мгновенно проснулся. Он поднял голову и, увидев её, просиял.

— Тизю!

Она посмотрела на него и слабо улыбнулась уголками губ.

— Доброе утро, — сказала она, и её голос прозвучал совсем не по-обычному.

Обанай замешкался, а затем улыбнулся в ответ.

— Уже вечер, — мягко поправил он.

Тизю взглянула в окно — действительно, сгущались сумерки.

— Ты всё это время был здесь? — спросила она.

Обанай кивнул.

Тизю посмотрела на него и вдруг потянулась, чтобы слегка обнять.

Обанай застыл от неожиданности.

— Спасибо тебе, — прошептала она.

Затем она отстранилась и встала.

— Проголодался? — спросила она. — Пойдём поужинаем.

Обанай смотрел на неё, не в силах сразу опомниться, а затем кивнул.

Она взяла его за руку, и они направились к выходу.

Заходящее солнце растянуло их тени на длинные дорожки.

В тот вечер Обанай снова остался ночевать у Тиэю.

Она не возражала — просто молча подвинулась, освобождая ему место.

Лунный свет проникал в комнату, освещая две маленькие фигурки.

Обанай, прижавшись к Тиэю, вдруг тихо спросил:

— Тиэю?

— М?

— Тот человек, который проклинал тебя... хочешь ли ты его спасти?

Тиэю помолчала, а затем кивнула.

— Хочу, — ответила она. — Но он ненавидит меня.

Обанай немного подумал и сказал:

— Возможно, однажды он всё поймёт.

Тиэю промолчала.

Спустя долгое время она легонько обняла его в ответ.

— Может быть, — сказала она. — Спи.

Обанай закрыл глаза, позволяя лунному свету окутывать их тишиной.

<http://bllate.org/book/22382/2348120>